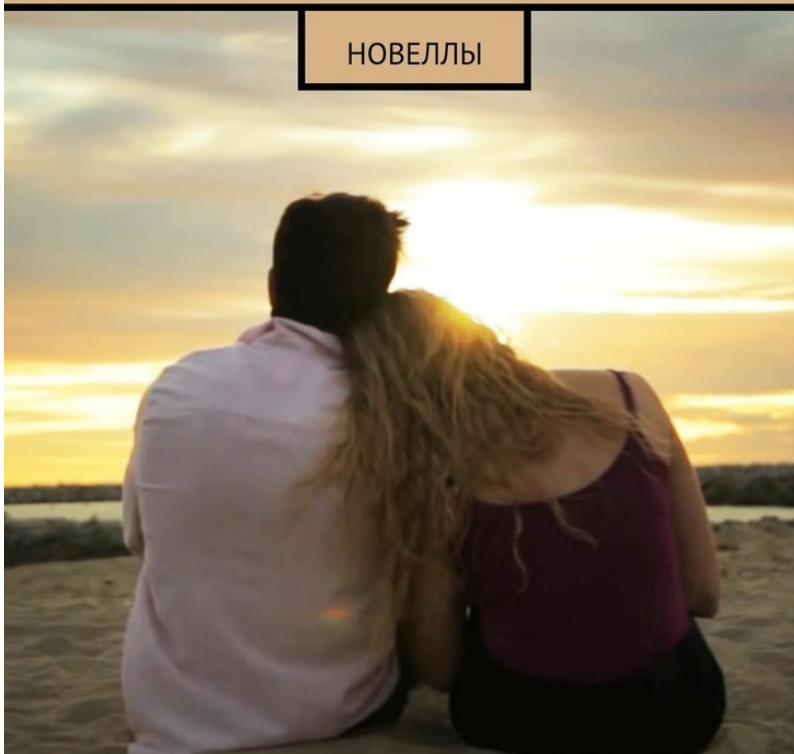

ОЛЬГА ТАТАРНИКОВА

Вариации на тему любви

НОВЕЛЛЫ

Ольга Татарникова

Вариации на тему любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17194418

ISBN 9785447449087

Аннотация

В сборнике 16 новелл. Все они, так или иначе, о таком простом и обыденном, но в то же время сложном, запутанном и важном – о взаимоотношениях мужчины и женщины, о любви и изменах, о мечтах и реальности, о наших современницах, заслуживающих быть главными героинями, потому что они умеют любить и радоваться жизни даже вопреки обстоятельствам.

Содержание

Вместо предисловия	6
Говорят, под Новый год...	8
Женское начало	13
Сердце	23
Ненужная любовь	28
Пена жизни	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вариации на тему любви

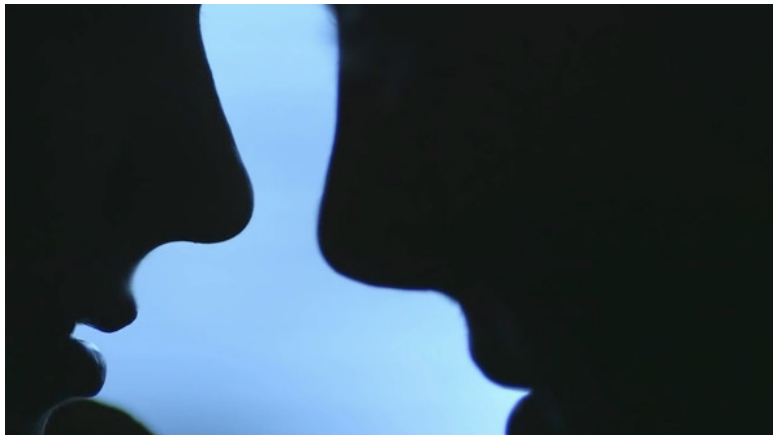
Новеллы

Ольга Татарникова

В сборнике 16 новелл. Все они, так или иначе, о таком простом и обыденном, но в то же время сложном, запутанном и важном – о взаимоотношениях мужчины и женщины, о любви и изменах, о мечтах и реальности, о наших современницах, заслуживающих быть главными героинями, потому что они умеют любить и радоваться жизни даже вопреки обстоятельствам.

© Ольга Татарникова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

«Я люблю тебя!» – это было начало. Начало извилистого, каменистого пути, начало Большого Восхождения. Вбивая крюк за крюком, оступаясь, мы карабкались по крутому жизненному склону, невзирая на свистящий ветер и облачную неясность там – наверху. Пик блаженства, до которого мы все-таки добрались, вознаградил нас сполна за все страдания. Там, выше серых облаков, открывался такой жизненный простор и такая гармония, что мы уже не сомневались во всемогуществе Любви.

«Я ненавижу тебя!» – оглушило, как гром, но не убило. Это не было концом. Это был шаг, всего лишь шаг вниз по склону, напомнивший о неизбежности спуска. Движение вниз – это путь на полусогнутых, с дрожью в коленях. Споткнулся – и полетел кубарем в пропасть, ту самую, которая от ненависти до равнодушия, ведь это только от любви до ненависти шаг, а все остальное намного больше. Но первый шаг уже сделан, придется идти, идти осторожно, внимательно глядя себе под ноги, ведь мы не хотим погибнуть. А на пиках блаженства не живут, туда лишь на время взбираются некоторые счастливики. Такие, как мы. Хотя сейчас мы мало были похожи на избранных судьбы – с перекошенными от ненависти друг к другу лицами за то, что вынуждены выдержать и этот мучительный спуск. Но все, что

нас не убивает – делает нас сильнее. Уливаясь потом и слезами, со стертymi в кровь ногами мы шли и шли, мечтая уже лишь об одном – быстрее добраться до того заветного места, где мы сможем сказать друг другу: «Мне все равно!», пожать плечами и разойтись в разные стороны жизненной равнины, той самой, которая с Пика блаженства казалась такой необъятной и прекрасной. «Мне все равно» – это и есть конец.

Говорят, под Новый год...

Пять ведер разных роз – нетронуто-белых, нежнейше-розовых, коварно-рубиновых, издевательски-желтых и даже таинственно-черных. Еще три ведра разнокалиберных хризантем, два ведра тюльпанов, выглядевших особенно хрупкими в это время года. И еще много-много других цветов, названий которых даже не знаю... Я стою у цветочной витрины и не могу сдвинуться с места: цветы меня заворожили. На улице конец декабря, мороз, а там, внутри, вечное лето.

Вы так сильно любите цветы?

Я вздрогнула и обернулась. Передо мной стоял высокий, средних лет мужчина, одетый явно не по погоде – в легком длинном черном пальто. «Летний мужчина» – так я его сразу окрестила, не подозревая, насколько окажусь права.

Люблю, – неохотно ответила я, потому что избегаю пустых уличных разговоров.

Я наблюдал за Вами из машины. Вы здесь уже полчаса стоите. Пойдите, пожалуйста, еще пять минут.

Я пожала плечами, поскольку и не собиралась пока уходить, а он зашел внутрь цветочного павильона. «Сейчас потратит сто рублей, а претендовать будет на миллион» – привычно подумала я, хотя «Летний» такого впечатления и не производил. И тут я увидела, как довольно улыбающаяся немолодая продавщица забирает с витрины ведро

белых роз, именно тех, которыми я особенно любовалась. «А как же я?» – хотелось крикнуть.

А я уже через минуту стала обладательницей этой красоты.

Вы волшебник? Неожиданно появляетесь под Новый год и исполняете желания?

Если Вы хотите, чтобы я был волшебником, могу попробовать... А на самом деле все гораздо прозаичнее: сидел в машине, ждал приятеля, который так и не пришел, наблюдал за Вами... А белые розы мне нравятся больше других.

Падающий пушистый снег прикрывал белые цветочные бутоны невесомой вуалью. Розы и снег – в этом эклектичном сочетании было что-то несбыточное. Зимние розы. А переплетения сладкого цветочного аромата с морозной свежестью как-то по-особенному кружили голову. Наверное, так пахнет мечта о счастье.

Спасибо Вам за цветы.

Давайте я Вас подвезу.

Нет, что Вы, спасибо, не надо. Я сама дойду.

Розы замерзнут и погибнут.

Да, действительно, цветы жалко...

И он повез меня... в несбыточное. Новый год мы встречали на райском океанском острове, который принадлежал только нам. Август – так неожиданно звали моего волшебника, летнего мужчину, который был теплым (заботливым) днем и жарким (страстным) ночью. Бурно проведенные но-

чи сменялись невиданной красоты рассветом, и мы отправлялись в подводный мир. Я никогда раньше не ныряла так глубоко, но Август быстро меня научил: рядом с ним все давалось легко и просто. Солнечные лучи пронизывали толщу воды, демонстрируя нам наличие другой жизни – свободной и гармоничной. Удивительно, но в коралловом лесу, украшенном, словно гирляндами, стайками разноцветных рыбок, отчетливо чувствовался Новый год с его свежим вкусом и пьянящим ароматом.

Напробовавшись быть своими в параллельном мире, мы возвращались на берег, где нас уже ждал райский обед.

Сначала ты будешь вот эту жирную тигровую креветку, – говорил Август и кормил меня.

А ты вот эту рыбу с непонятным названием, – я тоже протягивала ему кусочек.

Пугаешь непонятным?

Сама боюсь.

А ты не бойся. Не важно, как это называется, главное – вкусно.

Ты про рыбу?

И про нас...

Нам, действительно, было вкусно друг с другом.

Заканчивали трапезу мы уже на пляже, сидя на мелководье и поедая манго. Впиваешься в него, и во все стороны брызжет сладкий ароматный сок, который струится по щекам, подбородку и рукам. И его не надо смущенно про-

макивать салфеткой, боясь выглядеть неприлично и заляпать одежду. Можно просто отдаться первобытным желаниям и выпустить себя на волю.

Я не хочу терять ни одной капли тебя, – шепчет Август и ловит языком сладкий сок с моих губ. Накатившая волна, не в силах разлучить нас, разбивается множеством брызг, и поцелуй получается сладко-соленым. «Розы и снег», – чуть позже вспоминаю я, засыпая в пальмовой тени, убаюканная легким морским ветерком, до следующей страстной ночи...

...В витрине по-прежнему благоухают розы, на стекле отражения разноцветных огней с елки напротив танцуют с белыми хлопьями, а под снегом стою я и слизываю со своих губ соленые ручейки. «Слезы и снег» – вот это про меня, хотя я молода (мне нет и тридцати) и красива (так все говорят). У меня есть престижная работа, очаровательная дочурка и муж – «чемодан без ручки: и тащить трудно, и выбросить жалко» – работает охранником по графику (и что он только сохранил?), а в остальное время, которого у него предостаточно, пьет пиво с друзьями или, если дома, играет на компьютере. А раньше мне казалось, что моей целеустремленности и жизнелюбия хватит на нас обоих.

Мне холодно, не только снаружи, но и внутри. Хочется Лета, а еще хочется, как в детстве, встать под Новый год к елке и сбивчивым шепотом загадать желание: «чтобы мама с папой не болели, все мы были веселы и счастливы, и произо-

шло чудо». В общем-то, за много лет мечты почти не изменились.

– Господи, что только не родится в замерзшей голове под Новый год! – я поставила сама себя на место. – Ну, зачем мне далекий океанский остров, хотя и райский, зачем мне чужой мужчина, хотя и «летний»? Вот от роз я бы не отказалась: аромат мечты о счастье головокружительней самого счастья. Мечта, как шампанское, волнует, будоражит и отрывает от земли, а счастье, как водка, накрывает с головой, отшибает память и дает такое похмелье! Да и цветов мне просто давно никто не дарил...

Вы так сильно любите цветы?

Я вздрогнула и обернулась. Передо мной стояла маленькая, лысая, упакованная в черную кожу и наглую морду (и зимой, и летом одним цветом) особь мужского пола.

– Цветы? Терпеть не могу! – отрезала я и зашагала прочь...

Женское начало

– Девочки, просыпаемся! – в палату заглянула дежурная медсестра. Лариса поступила в отделение ночью, но так и не смогла уснуть до утра, хотя острой боли уже не было, зато одна из соседок храпела так, что даже стекла резонировали. Ларисе было одиноко и неудобно, хотелось домой, как когда-то давным-давно в пионерском лагере, куда она попала первый раз в жизни.

Доброе утро, старушки, – несоответствующим своему раскатистому храпу, высоким тонким голосом приветствовала та, из-за которой Лариса так и не смогла уснуть.

А в нашем полку прибыло, – осторожно потягиваясь, сказала соседка по кровати Ларисы. – Ну что за жизнь, даже потянуться, как следует нельзя.

Не привередничай, есть хоть какая-то жизнь, и, слава Богу! Давайте лучше познакомимся. Вас как зовут? – обратилась к новенькой третья женщина.

Лариса, – тихо и грустно ответила та.

А меня Катерина.

Меня Инна, – продолжила соседка.

А меня Лена, – прозвенела храпунья.

Вы тоже из этих, из перенесших? – спросила Инна.

Что перенесших? – не поняла Лариса.

Как что! Инфаркт, конечно. Здесь почти у всех один диа-

гноз, – разъяснила Инна.

А, нет, у меня предынфарктное состояние.

Вам повезло, а Вы грустите. Может все и обойдется. Пред – оно всегда лучше, чем после, – уверяла Ларису Катарина.

Ну, не всегда, конечно, – пропела Инна.

В палату вошла медсестра, раздала таблетки, сделала уколы. Начинался очередной день непредсказуемой больничной жизни...

Лариса лежала под капельницей уже час и думала. Думала о своей жизни, о том, правильно ли она все делала, раз вот теперь попала сюда. Росла, как все, училась, как все. Не красавица, но фигура хорошая до сих пор. Активная была всегда, особенно в отношениях с мужчинами. Нет, навязываться она себе не позволяла, но если человек ей нравился, всегда находила способы его к себе привязать. Мужа своего будущего она впервые увидела на городском пляже. То, как он подошел к воде, нырнул и поплыл, оказалось достаточным для того, чтобы у Ларисы сначала что-то зашекетало в животе, а потом она решила, что этот красавец будет ее. Все так и случилось, парень, и сам был не прочь завести новое знакомство, да еще с такой грациозной брюнеткой. Лариса быстро изучила его слабые стороны и заиграла на них, как музыкант-виртуоз. Уже через полтора месяца они снимали квартиру, которую, правда, сама Лариса и нашла, и организова-

ла. А через семь месяцев праздновали скромную, но все же свадьбу. Жалко, что не было у нее белого свадебного платья, символа безоговорочной мужской капитуляции, но победу свою она ощущала сполна. Всеобщий любимчик теперь принадлежал только ей одной. Эх, если бы кто-то тогда дернул за рукав, остановил, сказал: «Ты с ума сошла! Брось его, это кака! Всеобщее – значит ничье!» Хотя в тот момент своего триумфа она никого слушать бы не стала...

– Ларис, а ты замужем? – вырвала ее из воспоминаний Инна.

– Да, уже двадцать пять лет.

– Ух, ты! Серебряная свадьба. Отгуляли уже?

– Нет, юбилей через неделю. Должен был быть.

– Да ладно тебе, не переживай! Ну, попозже справите, подумаешь проблема! А я вот всего год замужем.

– Как это? – невольно вырвалось у Ларисы.

– Что, стара я для молодоженки, да? – лукаво прищурилась Инна. – А вот так! Двадцать лет в любовницах числилась. Сначала балдела от своего статуса: сплошная романтика, цветочки, подарочки, в общем, чистая любовь, как мне казалось тогда. Любовничек мой был человеком умным, успешным, красивым. Все у него в жизни было хорошо. Но кобелина знатный! Я сразу просекла, в каком месте у него слабина. Постель, конечно, у нас с ним была головокружительная. Таких мужиков у меня не было ни до, ни по-

сле него. И он во мне нуждался еще как! Его бедная женушка и не подозревала, поди, от кого зависит мир в ее семье: он становился просто невменяемым, если по каким-то причинам не удавалось переспать со мной.

А может, не только подозревала, но и знала все, – вступилась за чужую жену Лариса, поскольку сама она проходила все это не однажды, и сразу чувствовала появление на горизонте очередной мужниной любовницы.

А что же никак не реагировала? Ни разу даже не позволила мне.

Да не считала нужным унижаться, например. Или считала, что не велика беда, пусть гуляет, может, она сама тем же увлекалась. Да мало ли может быть причин!

Ну, может ты и права. Только жила я так, жила, а потом во мне что-то перещелкнуло. Не верьте, девочки, ни одной бабе, которая говорит, что не хочет она замуж, что ей в любовницах лучше. Рано или поздно возникает потребность стать законной, ходить, если хочется, нечесаной, и плевать на его настроение сегодня, если у самой критические дни. В общем, до жути хочется быть не идеальной и рядом с любимым.

Ну, и как же ты стала женой? – вступила в разговор Лена, до этого молча слушавшая монолог Инны.

Да сам Господь подарил мне мужа. Все просто и банально: как встретились в гостях у общих знакомых, так больше, считай, и не расставались. Он мне как рука: вроде бы и не ду-

маю постоянно и огнем не горю, а без него не смогу. Я знаю.

Видимо, это и есть любовь, – печально вздохнула Лена, – А у меня так и не получилось встретить такую любовь. Кому нравилась я, совсем не увлекали меня. А серединки на половинки я не признавала, думала: «Зачем это я буду размениваться по мелочам, я найду, я выберу лучшего из лучших». Но с каждым уходящим годом эта мысль становилась все нереальней и нереальней. Так и живу бобылихой.

В палату вернулась Катерина, мрачная и тихая, и молча легла на кровать.

Ну что сказали? – обратилась к ней Инна.

Да ничего утешительного. Не выписывают меня. Еще неделю продержат точно.

Ну и лежи себе отдыхай! Куда тебе торопиться? Дома все равно никто не ждет, – пыталась утешить ее Инна, но эффект оказался противоположным: Катерина заплакала.

У нее муж умер два месяца назад, вот сердечко и не выдержало, – шепнула Инна Ларисе.

...Бывали минуты, когда Лариса мысленно желала смерти своему мужу, хотя и любила его. Только безмерное отчаяние рождало такие мысли. Рано или поздно Лариса узнавала об изменах супруга, но никогда не подавала вида, раз и навсегда решившая для себя, что в подобных ситуациях, если не можешь человека бросить, единственный способ не унизиться самой и не скатиться до грязных оскорблений, это де-

лать вид, что ничего не произошло, все по-прежнему хорошо. Но это внешне, а что бушевало в такие периоды у нее внутри, известно одному черту. Это было безумно трудно, но представить свою жизнь без Саши она не могла. Какой никакой, а ее, и только ее, законный муж. А «эти» все по номерам и очередности: первая, третья, да хоть сотая, а жена единственная. Да и Саша не стремился что-либо кардинально менять в своей жизни, видимо, его и так все устраивало...

Катя, Катюша, ну, успокойся, – гладила ее по голове Лена. Да пусть выплачется, легче станет, – придерживалась иного мнения Инна.

Да нельзя ей переживать, и так кардиограмма неважная. Ну, Катенька, все наладится, – продолжала Лена.

Что может наладиться, когда его нет, и больше не будет никогда! Понимаешь, НИКОГДА?! А мне тогда что тут делать? Я хочу к нему! – рыдала уже в голос Катерина.

Да ты с ума сошла! Что ты говоришь! – ужаснулась Лена. Катя, а дети? У тебя же есть дети! Это у меня их нет, а я все равно хочу жить. И это ты мне утром говорила: «Есть хоть какая-то жизнь, и то хорошо». В нашем-то положении! Мы все на волосок от другого мира. Но нам рано еще туда, ты слышишь?! – не выдержала Инна.

А дети уже выросли, и я им не нужна! – уже почти кричала Катерина.

На шум в палату прибежала медсестра, оценила обстанов-

ку, убежала снова и вернулась уже со шприцами. Вколола всем, кроме Ларисы, по уколу, Лене и Инне больше для профилактики, хотя и они уже лили слезы, а Катерине по острой необходимости. И только Лариса, распятая капельницей, казалась спокойной. У нее хорошая тренировка по выдержке, но из уголков глаз все же тихо струились соленые ручейки.

Часы посещений, как обычно, с пяти до семи. Это особое время в больничном распорядке. Это лакмусовая бумажка твоей необходимости и состоятельности в жизни. И нигде, как в больнице, и может быть, в пионерском лагере в родительский день, не ощущается просто-таки космическое одиночество, если к тебе никто не приехал. К Лене пришла подруга с кипой глянцевого журналов, чтобы болящая не скучала. К Инне ее молодой муж с цветами. Он, конечно, не был таким уж юным, на вид лет за пятьдесят, но общались они под стать своему семейному стажу – нежно и трепетно. Держались за руки, он ей что-то шептал на ухо, и Инна просто таяла от этих, одной ей принадлежавших слов. Много ли надо женщине, чтобы чувствовать себя счастливой! Хотя бы иногда.

Прошел час из двух отведенных под встречи с близкими. К Катерине пока никто не пришел, и к Ларисе тоже. Обе вышли в коридор, чтобы, якобы, не мешать общению соседкам по палате со своими посетителями. Но обе были напряжены и явно ждали, когда же и к ним придут. Здесь, в больнице,

это очень важно, может быть, даже выздоровление пациентов зависит от визитов родных и любимых. Ну вот, и к Катерине пришел сын, широкоплечий красавец с кучей пакетов с гостинцами, и они побрели в дальний конец коридора к окну. Лариса тоже повернулась к окну, у которого стояла. На улице сыпал огромными хлопьями пушистый снег. Она вспомнила, что без малого четверть века назад, в день их свадьбы была точно такая же погода, и ее розовый костюм, выступавший в роли свадебного платья, припорошило снегом, когда они фотографировались во двореке Дворца бракосочетаний, и на фотографии она получилась все же в почти белом воздушном наряде. Потом снег, конечно, растаял, как и что-то в их отношениях, оставив лишь след на фотографии.

Привет, – услышала она за спиной до боли родной голос и обернулась.

Привет.

Ну, как ты тут? Как себя чувствуешь, как условия? – засыпал вопросами Саша.

Да ничего, все терпимо. Ты как? Завтракал сегодня или так и ушел на работу голодным? – поинтересовалась Лариса, зная эту привычку мужа: если она завтрак не подаст, он так и уйдет, ничего не поев.

Да ты не волнуйся за меня, я и на работе могу перекусить. Как дома? Феликса-то бедного хоть кто-нибудь выгулял? Да, Маруся гуляла с ним утром, и, судя по ее

не проснувшись виду, далось ей это нелегко.

Ну и хорошо, что все хорошо, – улыбнулась Лариса.

Как я рад, что ты улыбаешься, – Саша прижал Ларису к себе. – Я так вчера испугался за тебя. И за себя тоже.

А за себя-то почему?

Да не смогу я без тебя, – так просто сказал Саша такие важные для Ларисы слова. От них даже ее усталому и больному сердцу стало легче.

Не волнуйся, я поправлюсь.

Лариса пошла проводить Сашу до выхода из отделения. На площадке у лифтов стояла Катерина с сыном. По тому, как она обняла и поцеловала его, показалось Ларисе, что Катерина прощается навсегда. «Тыфу ты, подумается же такое», – Лариса быстро отогнала нехорошую мысль. Проводив родных, Катерина и Лариса вместе вернулись в палату, где Инна, счастливо улыбаясь, созерцала букет, а Лена, тоже, в общем-то, довольная, листала новые журналы. Лариса подошла к окну, чтобы еще раз увидеть мужа. Вот он вышел, обернулся, нашел глазами жену, хотя они и не договаривались, и помахал ей рукой. Лариса помахала в ответ, и на ее движение к окну подошла Инна, посмотреть, кому это так улыбается соседка. Увидев, с кем Лариса общается, она вздрогнула и отступила на шаг назад. Хорошо, что никто не заметил странноватого поведения Инны, особенно Лариса, потому что тот, кто махал ей рукой, был не кто иной, как тот самый незабвенный бывший любовник Инны, про кото-

рого она сегодня и откровенничала с соседками по палате. Но этого, к счастью, не узнает никто.

Девочки, угощайтесь, – Катерина раскладывала принесенные пакеты с гостинцами по кроватям соседок.

Катя, спасибо, конечно, но не стоит, нам же тоже принесли. Лучше давайте устроим пир в честь нашего скорейшего выздоровления, – предложила Лариса.

А давайте, – поддержали ее соседки.

Через пять минут больничные тумбочки ломились от угощений. Тут были и ароматные домашние котлетки, и отварная картошечка, и всевозможные фрукты и сладости. Даже «выпить» нашлось: разнообразные соки и даже какой-то чудодейственный травяной настой, принесенный подругой Лены. «Девчонки» с аппетитом уплетали вкусности, смеялись, что-то рассказывали друг другу. Особенно жизнерадостной выглядела Катерина, но к ночи ей неожиданно стало плохо. Прибежавший дежурный врач, сделав кардиограмму и посмотрев результат, быстро распорядился отвезти Катерину в реанимацию. А Лена, Инна и Лариса еще очень долго не могли уснуть. Молча лежали в темной палате и мысленно молились за Катерину. Да и за себя тоже, ведь человеческая жизнь – штука ненадежная.

На рассвете Катерина умерла. Она хотела этого, а, как известно, чего хочет женщина, того хочет Бог. Она хотела быть с любимым. Не на этом свете, так на том. Таково уж женское начало. И женский конец.

Сердце

Она его любила. Все в коллективе это знали, и каждый день начинали с обсуждения их взаимоотношений...

Сегодняшнее утро в отделении кардиохирургии городской больницы ничем не отличалось от предыдущих. В залитой солнцем ординаторской шли обычные утренние переодевания: халатики, шапочки, босоножки. Но белые халаты теперь почти не носят. Им на смену, по западному образцу, пришли цветные, нежных жизнеутверждающих тонов – светло-зеленые, голубые, сиреневые. Больных нужно стимулировать к жизни, ежеминутно напоминая им, что мир прекрасен, разнообразен, а вовсе не черно-бел. Хотя белый цвет – это ничто и все одновременно.

Да не будет у них никогда ничего, – одевая почти на голое тело сиреневый халатик, стояла на своем дородная, с копной рыжих выющихся волос Майя.

Ну почему ты так уверена? Иногда любовь такие неприступные стены берет, – не соглашалась с ней высокая, стройная, черноволосая, с благородной гладкой прической, Ирина.

Да потому что Андрею никто не нужен, кроме самого себя, в принципе!

В дверях появилась Надежда. Операционная медсестра Надежда Светлова. Хрупкая молодая особа, любимица всего

отделения, включая больных.

Привет, Надюшка, – почти хором приветствовали ее Майя и Ирина. – Плюнь ты на него, – не унималась Майка.

Хорошо, хорошо, девочки, не волнуйтесь за меня.

Правда, Надюш, он не стоит твоего сердца, – уговаривала Ирина.

Кстати, о сердцах. Нам пора, девочки, на планерку. Сегодня три операции, – смущенно улыбаясь, сказала Надя.

...Ежеутренний общий сбор, именуемый планеркой, был сегодня особо деловит, без обычных шуток «зава» Льва Александровича про бурные ночи, забытые головы и отданные сердца. Три сложнейших, дорогостоящих операции по новой методике, которую отделение освоило всего-то пару месяцев назад – тут не до шуток. Сергей Владимирович, дежуривший этой ночью, сообщил, что состояние пациентов удовлетворительное, к операции они

готовы. Андрей, которому и предстояло делать эти операции, слушал доклад дежурного врача внимательно, сосредоточенно, чуть сдвинув густые брови. Он всегда перед операциями был молчалив и собран.

Надюшка это его состояние знала, и по пустякам не отвлекала. Она и сама испытывала нечто похожее и понимала, что и от ее собранности зависит успех операции. «Никаких своих сердечных дел!» – как обычно сказала себе медсестра Светлова и отправилась в операционную раскладывать инструмент. А свое рвущееся к Андрею сердце она

на время мысленно забинтовала и анестезировала. Сейчас важнее чужие сердца. Три мужских послеинфарктных сердца, не выдержавших чего-то в своей жизни. Чаще всего «ломаются» именно мужские сердца, видимо, женские выносливей. И вот теперь «бог» Андрей через маленький разрез на бедре по кровеносным сосудам введет им маленькую пластиночку в сердце, и она превратится в большой щит, который и спасет от превратностей судьбы. Новая щадящая методика – резать чуть-чуть и совсем не там, где и так все горит огнем и болит – еще мало освоена и очень дорога.

Все было готово к первой операции. Анестезиолог уже колдовал над пациентом. Андрей с вытянутыми вперед вымытыми руками подошел к Наде. Она привычными движениями одела ему перчатки, белый халат с завязками на спине. В операционной, по-прежнему, все было белым. Пока Надежда ловко справлялась с завязками, туго спеленатое сердце все же предательски екало. Хирургу Андрею Матвееву и операционной сестре Наде Светловой было достаточно короткого взгляда, чтобы настроиться друг на друга. Андрей мог бы и не произносить потом вслух: «Скальпель», «Кетгут» и тому подобные слова, потому что любимая операционная сестра Наденька понимала его без слов. Он ценил это. Он привык к этому за два года. Он, в конце концов, уже не мог без этого обходиться... На работе... Только на работе. Такое редкое взаимопонимание с Надей не помешало ему полгода назад жениться, ведь любят порой не тех, кто пони-

мает, а тех, кого не понимают. Сердцу не прикажешь! Своему. С чужими получается лучше.

Все три операции прошли блестяще. «Сердечных дел мастера» хирург и операционная сестра работали слаженно и точно. Профессионалы всегда работают красиво, а живут как получается. Длинные тонкие пальцы Андрея, за которыми так любила наблюдать Надя, двигались уверенно и нежно. Как ей мечтались, особенно по ночам, его прикосновения, такие же уверенные и нежные! Но это потом... Это будет потом... Потом она придет к своим подружкам в ординаторскую усталая, но счастливая. Они будут пить чай, и Майка опять скажет:

Надька, да плюнь ты на Андрея, – она увидит в ней только усталость.

А Иришка ее поддержит:

Надюша, не разрывай себе сердце.

Разве могут они знать, то ли нелюбившие, то ли разлюбившие, что ее сердце работает нормально только, когда рядом Андрей. И пусть их связывает только работа, зато эта работа получается у них лучше всех. Это их дитя любви, их ночи и дни. Но Надежда ничего не станет объяснять подружкам. И лишь смущенно улыбнувшись, скажет:

Не волнуйтесь за меня, девочки. У меня все хорошо.

Но это будет потом...

А сейчас только работа, шесть непрерывных часов работы. И вот все позади, операции закончены.

– Спасибо тебе, Надюшка, за хорошую работу, – улыбаясь, сказал Андрей. Снял маску с лица и чмокнул свою любимую медсестру куда-то в уголок глаза – единственное открытое место. Остальное спрятано под белой маской, белой шапочкой и белым халатом. Все-таки, белый цвет – это ничто и все одновременно.

Это ты – бог, а я лишь твоя верная помощница.

...Три мужских сердца спасены и укреплены, они будут еще долго-долго любить. Если захотят. Сердцу ведь не прикажешь! Оно само решает, любить ему или нет.

Ненужная любовь или «Спасибо не говори...» (роман в SMSках)

«Я сейчас умру с тоски» – прочитала я на дисплее сотового телефона, минуту назад поднятого с земли около старой изогнутой сосны. Вообще-то мы приехали в лес за грибами, но первой моей находкой стал чужой мобильник. Я вертела в руках маленькую серебристую «шкатулку» чьих-то тайн и думала о том, что чужие письма читать нехорошо. Но пальцы как-то сами нажали на кнопку, и на экране высветился очередной крик чужой души:

«Солнце-е-е, ты где? Ответь мне. Ну, хоть что-нибудь ответь! Не молчи».

«Кто кого просит: она его или он ее?» Любопытство взяло верх, и я снова нажала на кнопку.

«Что мне сделать, чтобы ты меня простила?»

«Стоишь! Даже больше, чем я думаю. Ты просто не знаешь себе цены! Ты мне дорога, как жизнь, и я больше всего на свете боюсь потерять тебя навсегда. Жаль, что ты этого не понимаешь».

Накал чужих страстей усадил меня на ближайший пенек. Вопросы роились в моей голове, выныривая на поверхность один за другим, как головастики в пруду. «Почему Она

не может понять, что нужна Ему? Или не хочет? За что Она должна Его простить? Кто Она и какая? И вообще, Она потеряла телефон или выбросила?»

В надежде найти хоть какие-то ответы, устроившись поудобнее на пеньке, я принялась читать дальше чужие послания, уже не задумываясь, хорошо это или не очень.

«С добрым утром, любимая!»

*«(Наверное, не слышит. Попробую еще раз. Погромче.)
Доброе утро, солнышко!»*

«Я уже на работе. За тобой приехать?»

«Откуда поедешь? Я хочу».

«Тебя... отвезти куда-нибудь».

«SOSкучился»

«Спасибо тебе, мой Повелитель!»

«Я у твоих ног, спасибо не говори...»

Я посмотрела на свои ноги. Около них копошились только муравьи. Сидение на пеньке давало о себе знать, и я с хрустом потянулась. Вдруг мне захотелось оказаться на месте этой Незнакомки, чтобы все эти ласковые слова предназначались мне. Я даже зажмурилась от потенциального удовольствия. А может, это просто солнце просочилось сквозь густую сосновую хвою...

«Ну, как дела, солнечнозарная?»

«Я тебя целую. Как освободишься, может, пообщаемся?»

«Как воспитание ребенка? Что он такого натворил, что ты ему посвятила целый вечер? Есть отказывается или

жениться собрался?»

«Про моего скорее второе», – вздохнула я и полезла в карман за сигаретой. «Вот и сейчас он где-то с друзьями, а может уже и с подругой. А еще совсем недавно с удовольствием поехал бы со мной в лес. Значит, у Нее тоже есть взрослый сын, и Она не так уж и молода. А муж у Нее есть?»

«Ты у телефона. Спокойной ночи, солнышко! Постарайся мне присниться».

«Доброе утро, сладкая!»

«Спи, котенок. Хороших снов».

«С добрым утром, моя любимая красивая женщина!»

«Пошел спать. Доброй ночи, моя лапочка! Чмок-чмок-чмок. Спокойных снов не одной».

Это уже было ближе к ответу на мучивший меня вопрос про мужа. И в награду за терпеливое перелистывание бесконечных утрене – вечерних пожеланий я, наконец-то, прочла:

«С мужем – это хорошо. Счастья тебе, куколка»

«Как зачем? Чтоб было. Муж же рядом».

«Хороша кукла! При живом – то муже любовь крутит! Вот если бы у меня был муж... А у меня ни мужа, ни любви, ни таких посланий...» Чтобы скинуть с себя навалившуюся грусть-печаль, я прямо-таки щучкой нырнула в чужое море любви.

«Я люблю тебя».

«Поехали завтра вечером куда-нибудь».

«А куда захочешь! Завтра ты повелеваешь».

«Я хочу тебя».

«Вот так всегда, блюстительница нравственности! А я все равно тебя хочу. Сильно».

«А кто не рискует, тот... того ты не любишь».

«Чмок – чмок – чмок – чмок – чмок...»

На тридцать шестом «чмоке» я подскочила от неожиданности: зазвонил мой собственный мобильник. Подруги интересовались, не похитил ли меня добрый молодец или не нашла ли я клад вместо грибов и теперь «над золотом чахну»? Я ответила, что нашла кое-что, имеющее отношение к добру молодцу, только не поняла пока, клад это или помойное ведро.

«Я их тоже не люблю. Твои отъезды. Может, ты просто не умеешь их готовить?»

«Ладно, не буду мешать сборам. Сосредоточься. Целую. Обнимаю крепко».

«Я по тебе скучаю, солнышко. Чем занимаешься?»

«И берега у меня нет, и тебя у меня нет, и дождь у нас идет, и холодно у нас».

«Люблю, когда ты много пишешь! Мне так приятно это читать. Ну, расскажи, расскажи еще что-нибудь»

«Связь, я думаю, у нас с тобой хорошая. Это прием у тебя плохой».

«Да нет, еще с утра. Ничто не должно омрачать твой отдых. А ты, наверное, обрадовалась, что отключат. А то он уже задолбал своими SMSками. Хоть побуду в тишине!»

«Я хорошо о тебе думаю. Я тебя отвлекаю! Я тебе мешаю! Я тебя отрываю! Я тебе надоедаю! Я тебя замучиваю! Я ставлю тебя в неловкое положение! (ты не жалуешься)»

«Он Ей не нужен! И любовь Его не нужна! А Он это понимает, но ничего поделать с собой не может!» От внезапно-го открытия я даже вскочила с пенька и принялась расхаживать взад-вперед. Ну конечно, у Нее есть муж, сын, а этот... добрый молодец только жизнь Ей осложняет. Ну почему кому-то лишнее, а кому-то не хватает?! Я ведь Ей позавидовала, захотела оказаться на Ее месте. А теперь мне стало жаль Незнакомку. Да и добра молодца жаль – любит Он Ее, действительно, любит и мучается.

НЕНУЖНАЯ ЛЮБОВЬ!

«Солнышко, почему ты мне не пишешь? Я скучаю и жду».

«Наверное, тебе некогда. Спокойной ночи, моя великая нехочуха»

«Привет, любимая! Я так и знал, что ты забудешь свое Горе».

«Ты не пишешь. Грустно. Если я не объявлюсь, ты обо мне и не вспомнишь».

«Каждый заслуживает того, чего заслуживает. Прости, что так нагло ворвался в твою мирную жизнь и изгадил своим присутствием твою историю. Я люблю тебя. Прости».

«Она выбросила телефон». В этом я теперь не сомневалась. Обессилен от переживаний за чужую, ненужную даже

мне любовь, я вновь опустилась на пенек и увидела подъезжающую машину. Из нее вышла женщина и направилась в мою сторону. В марках автомобилей я не разбираюсь, но машина была хороша: сверкающая, серебристая с плавными изгибами. Да и женщина была под стать своему железному коню: породистая (в этом-то я разбираюсь) и тоже вся плавная и обтекаемая. По-кошачьи мягко ступая, она подошла ко мне.

Здравствуйте, – голос ее тоже оказался мелодичным и бархатным. – Вы не находили здесь сотовый телефон?

Она спросила это и еще выше задрала подбородок и без того горделивой головы. «Королева. Не привыкла просить и унижаться. Так это – Она, „солнышко и котенок“! Хозяйка сотового телефона, который в данную минуту лежал у меня в кармане». Эта дамочка настолько была не похожа на замученную, запутавшуюся в отношениях женщину, какой я себе представляла героиню виртуального романа, что мне даже показалось, что это не она. Не моргнув глазом, я соврала: – Нет, не находила.

Хвойного цвета глаза Королевы вспыхнули от удивления (видно, не ожидала она такого поворота) и потемнели, как угольки.

Извините, – почти прошептала она и направилась к своему автомобилю.

Я смотрела в ее прямую спину и думала о том, что не за телефоном она приехала, а за чем-то большим, важным для

нее: может за частичкой совести, или жалости, или любви. «Хотя зачем Королеве жалость?» Она мне не нравилась: гордая, благополучная хищница с избытком собственного достоинства, которое даже выплескивается наружу. «Заморочила мужику голову и выбросила телефон, отмахнувшись от его переживаний... Но она же вернулась!» Я спорила сама с собой, и в этом споре родилась истина: я не могу быть судьей их отношений, а неловкость моего положения не имеет значения. Я решила:

Подождите! Вот возьмите. – Нам пришлось сделать несколько шагов навстречу друг другу, и я протянула ей ее Горе... или Счастье.

Спасибо, – губы Королевы расползлись в благодарной улыбке.

По тому, как ее потемневшие глаза вновь приобрели свой природный хвойный цвет (цвет жизни), я поняла, что поступила правильно.

НЕНУЖНОЙ ЛЮБВИ НЕ БЫВАЕТ!

Кивнув в ответ, я почти побежала в лес искать своих подруг и грибы, вспомнив на ходу пословицу: «Знакомый гриб домой несу, а незнакомый оставляю в лесу».

Пена жизни

Всё началось в ту злополучную среду. День был обычный и ровный, как гладкое ленивое море, уверенное в своей незыблемости. Ни дуновения ветерка, ни единого намека на волну. Лариса, риэлтор агенства недвижимости, милостивая женщина спелого возраста, пришла домой с работы, разложила покупки и занялась приготовлением нехитрого ужина. Дочь делала уроки. Ровно через полчаса, как всегда, пришел с работы муж. Поужинали, тихо обмениваясь редкими словами. Но это не было скукой, это была несуетная стабильность и спокойствие маленькой семьи. Хорошая семья, считали все вокруг.

Мне нужно кое-что сказать тебе. Я мучаюсь уже несколько дней, думал-думал и решил, что ты должна знать... Я тебе изменил, – неожиданно сказал муж, когда они уже легли спать. – Но это произошло случайно и ничего для меня не значит, и я посчитал, что честнее будет рассказать и не унижать тебя, да и себя, враньем.

Лариса молчала, она не знала, что надо в таких случаях говорить. Муж, облегченный своей честностью, и освободив душу от дурно пахнущего мусора, через какое-то время сладко засопел. Как обычно. А Лариса так и смотрела широко раскрытыми глазами в потолок, пока зловещие, причудливые тени от фонарных столбов и деревьев за окном не рас-

творились в рассвете...

Вот с этого все и началось: где-то далеко в море на глубоком дне что-то содрогнулось, водная гладь удивленно ахнула и покатила, набирая силу и превращаясь в волну...

Что с тобой происходит? Ты уже три дня сама не своя, – не в силах больше молча наблюдать за повядшей Ларисой, обратился к ней коллега по бизнесу.

Да ничего не произошло, устала просто, – выдавила из себя она.

Ну и хорошо, что ничего не случилось! – преувеличенно радостно произнес Вадим. – Пойдем пообедаем.

С этого дня совместные обеды стали традицией, а беседы – потребностью. Разговоры, в основном, касались профессиональных тем, но и там находилось много точек соприкосновения.

– Ты знаешь, сегодня звонили по поводу той квартиры, которая болтается у меня полгода. Вечером показываю, – сказала за очередным обедом Лариса.

– Замечательно! А у меня сегодня показ отменился, так что давай поедем вместе к твоим клиентам, а потом я отвезу тебя домой.

– Давай, – улыбнулась Лариса.

Квартира находилась на набережной, и после удачного показа (она понравилась потенциальным покупателям, несмот-

ря на обветшалый вид) Вадим предложил прогуляться и отметить это маленькое событие. Солнце уже клонилось к закату, и огненное небо отражалось в зеркале темной, уставшей за день реки.

– Ох, и ветреный завтра будет день, – покачала головой Лариса.

– Разве это плохо? – удивился Вадим.

– А разве хорошо? Вся пыль будет поднята с земли.

– А вдруг это ветер перемен? – лукаво улыбаясь, произнес Вадим.

– Ну, если это перемены к лучшему, тогда я согласна и пыль глотать, – серьезно сказала Лариса.

Домой она пришла непривычно поздно, но муж не решился поинтересоваться причиной. Он был тихим и незаметным последние дни. Видимо, переживал, когда разбегутся круги на водной глади от его удара палкой. А всколыхнутая им волна не собиралась возвращаться на прежнее место, она катилась вперед, все больше набирая силу...

Завтрашний и все последующие дни, действительно, оказались бурными. Лариса и Вадим проводили вместе все свободное время, и даже работу старались подстроить друг под друга. Вадим откровенно ухаживал за Ларисой, дарил цветы и подарки, а она радостно принимала, без стыда расцветая и хорошея. Коллеги в агентстве гудели как улей, шушукаясь по углам и, обсуждая их роман, хотя на людях влюбленные старались вести себя, как и раньше, и Вадим обнимал и цело-

вал Ларису, только если рядом никого не было. Но глаза, какие у них были глаза, когда они видели друг друга! По ним-то сослуживцы и поняли – роман, к тому же бурный, поняли раньше самих виновников слухов. Ларису, неожиданно для самой себя, мало сковывали липкие и вязкие сплетни, она парила, заново переживая счастье быть любимой и желанной, счастье быть Женщиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.